

DOI: 10.31857/S086919080011828-7

СИРИЙСКИЙ КОНТИНГЕНТ В ЛИВАНЕ: К ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАЧАЛА

© 2021

А.В. САРАБЬЕВ ^а

^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-9796-2411; alsaraby@ivran.ru

Резюме: Момент ввода в Ливан сирийского контингента летом 1976 г. нередко считают одной из самых трагичных страниц истории страны вследствие серьезных нарушений, допущенных сирийскими военными в Ливане за почти 30-летнее пребывание там. Но историческая справедливость требует учитывать множество факторов, повлиявших на решение Сирии вмешаться в кровавый многосторонний конфликт в соседней стране. Американские рассекреченные документы тех лет (в основном из Цифрового архива национальной безопасности США, фонда Г. Киссинджера) свидетельствуют о многих причинах, делавших обоснованным этот шаг. Детальные обсуждения официальными лицами и практическими работниками Госдепартамента США вопросов взаимоотношений разных сторон ливанского конфликта и его главной, палестинской, составляющей дают основание обратиться вновь к его начальной стадии. Сирийцы играли весомую роль в межливанском урегулировании в конце 1975 – начале 1976 г. Весной присутствие сирийских военных на ливанской земле стало заметным, а к лету мнения разных международных и региональных сил (в том числе американцев и даже отчасти израильтян) подошли к совпадению о целесообразности действий сирийских вооруженных сил по «усмирению» тех палестинских групп, которые отказывались от политических схем нормализации положения. Советский Союз, в силу обстоятельств, тоже был вынужден поддержать ввод войск Сирии в Ливан. Сирийское военное присутствие в Ливане не может считаться единственным в своем роде (были также – Межарабские силы сдерживания, Временные силы ООН в Ливане). На этот период пришлось несколько обострений арабо-израильского конфликта, сопровождавшихся оккупацией израильтянами ливанских территорий. Кроме того, пребывание сирийских военных в Ливане должно рассматриваться под углом зрения межарабской конкуренции в Маширике (идеологической, политической и даже силовой), где оказались затронутыми стратегические интересы Сирии, особенно в сфере безопасности. Самому началу прямого вовлечения Сирии во внутриливанский конфликт и посвящена работа.

Ключевые слова: Ливанская Гражданская война, палестинский фактор в Ливане, сирийский военный контингент в Ливане, израильская интервенция, Ближний Восток, Ливан, Сирия, США, СССР, Израиль.

Для цитирования: Сарабьев А.В. Сирийский контингент в Ливане: к документальной интерпретации начала. *Восток (Oriens)*. 2021. № 2. С. 134–147. DOI: 10.31857/S086919080011828-7

SYRIAN MILITARY CONTINGENT IN LEBANON:
TO THE DOCUMENTARY INTERPRETATION OF THE BEGINNING

© 2021

Aleksei V. SARABIEV ^a^a – Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia.

ORCID: 0000-0002-9796-2411; alsaraby@ivran.ru.

Abstract: *The moment when the Syrian army contingent entered Lebanon in the summer of 1976 is considered one of the most tragic pages in the country's history; that became a result of serious violations committed by the Syrian military in Lebanon during their almost 30-year stay there. But historical justice requires taking into account many factors that influenced Syria's decision to intervene in the bloody multi-sided conflict in the neighboring country. American declassified documents of those years (mainly from the US Digital National Security Archive, Kissinger Transcripts) show many reasons that made this step justified. Detailed discussions by officials of the US State Department on the relationship between different sides of the Lebanese conflict and its main, Palestinian, component give reason to return to its initial stage. The Syrians played a significant role in the inter-Lebanese settlement in late 1975 and early 1976. Becoming noticeable in spring 1976, in summer it was already a real Syrian military presence on Lebanese soil. The opinions of various international and regional forces (including the Americans and even partly the Israelis) came to a coincidence on the expediency of the actions of the Syrian armed forces to "pacify" those Palestinian groups that refused political schemes for settlement. USSR was forced to support the entry of Syrian troops into Lebanon. The Syrian military presence there cannot be considered the only one of its kind (there were also the Arab Deterrent Forces and UNIFIL). The work is devoted to the very beginning of Syria's direct involvement in the intra-Lebanese conflict.*

Keywords: Lebanese Civil war, Palestinian factor in Lebanon, Syrian military contingent in Lebanon, Israeli intervention, Middle East, Lebanon, Syria, USA, USSR, Israel.

For citation: Sarabiev A.V. Syrian Military Contingent in Lebanon: to the Documentary Interpretation of the Beginning. *Vostok (Oriens)*. 2021. No 2. Pp. 134–147. DOI: 10.31857/S086919080011828-7

В Ливане 45 лет назад начались события, которые ознаменовали собой начало целой череды событий, вошедших в историю под общим названием Гражданской войны. Полтора десятилетия подряд разнообразные социально-политические явления то выходили на первый план, то отступали, сменяясь нередко противоположными по характеру течениями.

Дважды внутриливанские столкновения перемежались массовой израильской интервенцией – в 1978 и 1982 гг. Эти «операции» израильтян включали откровенное разыгрывание «конфессиональной карты» в ливанском обществе, но преследовали, по сути, две главные цели: обеспечение буферной зоны безопасности для себя на ливанском юге и доступ к водным ресурсам, питающим главный стратегический резервуар Израиля – озеро Кинерет, или по-арабски Бухейра Табария (Тивериадское озеро).

Другими элементами, не позволяющими говорить о гражданской войне как сугубо внутреннем конфликте, были долговременное сирийское участие в ней, ввод объединенного арабского контингента, а затем усиление международного военного присутствия (UNIFIL) в буферной зоне на юге Ливана.

Ввод сирийских войск в Ливан 1 июня 1976 г. считается теперь одним из значительных событий Ливанской гражданской войны, ведь это, по сути, включило Сирию в число участниц затяжного ливанского конфликта. Впрочем, в публикациях тех лет роль Сирии оценивалась без той ангажированности, которая приобрела особое звучание после антисирийской «революции кедров» в Ливане в 2005 г. Например, в материале, опубликованном в конце 1978 г. в авторитетном тогда журнале *Foreign Policy*, говорилось: «Три взаимозависимых фактора обусловили такое решение сирийцев. Ряд фундаментальных сирийских ценностей послужил идеологическим мотивом стремления Дамаска любой ценой предотвратить раздел Ливана. Поддержка Баас, правящей партии Сирии, укрепила и придала институциональную легитимность этому обязательству. Наконец, к июню 1976 г. вовлеченность Сирии в Ливане стала уже такой, что военное вмешательство было почти неизбежным» [Dawisha, 1978].

Однако большинством авторов исторических работ последних двух десятилетий этот эпизод интерпретируется чаще всего как экспансия «сирийского режима», вмешательство во внутриливанские дела, причем на стороне одной из противоборствующих групп. При этом нередко оставляют за скобками предшествовавшие вводу войск многомесячные усилия сирийцев по умиротворению конфликта. Забывают, что Сирия в те годы обладала весомым авторитетом и реальным влиянием на оба враждовавших лагеря, а потому осуществляла относительно эффективное посредничество между ними.

Сразу после ввода войск в Ливан сирийская алавитская община приняла на себя удар недовольства, причем с разных сторон – исламистов Сирии, левых радикалов и враждебно настроенных иракских баасистов. Историк Николаос Ван Дам писал, что это событие вызвало длинную вереницу политических убийств и атак на сирийских баасистов, причем «почти все обреченные на смерть были алавитами» [Van Dam, 1997, p. 89].

После почти трех десятилетий пребывания сирийского контингента в Ливане мнения бывают не лишены оценочной окраски – далеко не в пользу сирийцев. Но научная объективность и беспристрастный исторический подход требуют учитывать все причины и всевозможные влияния, приведшие правительство Х. Асада к такому решению. Вся сложность ситуации в Ливане к тому моменту – через год после начала «палестинского этапа» конфликта – заставляет обращаться к историческому фону предпринятого тогда шага.

Его следует рассматривать в разных плоскостях: на уровне а) изменявшегося самосознания обоих социумов в условиях динамичного развития молодых независимых республик; б) интересов составлявших эти общества конфессиональных и этноконфессиональных общин; в) взаимоотношений Бейрута и Дамаска с экстерриториальными палестинскими вооруженными организациями; г) сложнейшего международно-политического положения в условиях «холодной войны» и сопутствовавших ей попыток обуздать лево-националистические течения в арабском мире.

Обращает на себя внимание также присвоенное рассматриваемому событию символическое значение, которое со временем все более закрепляется и схематизируется в идеологическом ключе. Однако факты свидетельствуют о том, что и миротворческая роль сирийцев в Ливане, и их вооруженное присутствие (хотя и меньшего масштаба) отмечались задолго до того и вполне одобрялись как региональными, так и мировыми державами. Более того, реакция со стороны СССР, США, ЛАГ была, если не одобрительной, то, во всяком случае, не негативной, скорее – прагматично-выжидательной. Именно последний аспект проблемы является основным в представленном ниже анализе.

Весомый вклад в оценки «внешнего» измерения ливанского конфликта дают рассекреченные американские документы из фонда Генри Киссинджера Цифрового архива

национальной безопасности США (DNSA)¹. Американцы зорко следили за тем, как разгоралась взаимная ненависть вооруженных палестинских групп и ливанцев, несогласных с их присутствием на своих землях. На этом этапе сирийцы постепенно стали силой, все с большим успехом входящей в роль арбитра. К началу 1976 г. с их помощью было достигнуто перемирие.

Однако успех Сирии в ливанском урегулировании не мог оставлять равнодушным ее идейных конкурентов на Ближнем Востоке, а тем более ее идеологических противников за пределами региона. Вероятнее всего, мирное урегулирование проблемы и усмирение ситуации в Ливане было мало кому выгодно. С одной стороны, можно допустить, что имело место внешнее подстрекательство палестинцев-радикалов, создавших еще в 1974 г. «Фронт отказа» (ФО), или *Джабхат ар-рафд*, палестинскую коалицию радикальных групп, несогласных с примирительной программой Ясира Арафата. К 1976 г. в ФО входили большинство групп, кроме НФОП-ГК и просирийской Саики. С другой стороны, израильтяне, не готовые смириться с укреплением баз палестинских боевиков на территории Ливана, провоцировали конфликтные ситуации, находясь при этом в постоянном контакте с Вашингтоном как главным своим гарантом.

Но для последних определяющим было соотношение сил в регионе – условно говоря, проамериканских и просоветских, что в идеологической плоскости соответствовало примерно силам капиталистической и социалистической ориентаций. Наконец, американцы подошли к возможности даже допустить «коррекцию» этого баланса в свою пользу. Ведь сложилась ситуация, когда американским заинтересованным наблюдателям стало ясно: «левые» силы в ливанском противостоянии всерьез угрожают взять верх.

По мере продолжения сирийского посредничества в ливанских делах становилось все более очевидно, что Сирия расширяет свое влияние, стараясь поставить под собственный контроль палестинцев как главную ударную силу, направленную потенциально против Израиля. К весне стали поступать ясные сигналы, что Хафез Асад не остановится перед силовым вмешательством на территории Ливана именно с этой целью, что вызывало беспокойство в Тель-Авиве.

Еще за несколько месяцев до собственно ввода сирийского контингента в Ливан речь шла о планах точечных силовых акций сирийцев против непокорных палестинских лидеров – с помощью ограниченных вооруженных групп. В начале весны 1976 г. американцы демонстрировали хладнокровную прагматику при обсуждении этого вопроса. Помощник госсекретаря США по делам Ближнего Востока Альфред Атертон докладывал главе внешнеполитического ведомства Генри Киссинджеру в середине марта 1976 г.: «Ситуация в Ливане с периода прекращения огня в январе вышла из-под контроля. Тому явилось несколько причин. Джумблат воспротивился посредническим усилиям сирийцев, мобилизовав среди своих сторонников из левых сильную партию противников политических решений. Жесткий настрой христианских кругов, в свою очередь, тоже препятствовал этому, но все же условия политического решения были в целом в пользу этих христиан. Тем временем отколовшиеся армейские части лейтенанта Хатыба набрали очки и способствовали распаду армии. Результатом стало смещение баланса сил в сторону левых, “мусульманизация”, а затем и [планы] военного вмешательства в рамках “исправительного движения”»².

Интересно, что на вопрос американского госсекретаря о возможностях контактов с ливанскими партиями и использовании влияния на них был ответ, что единственным

¹ Доступ к его материалам предоставляется для пользователей ряда центральных российских библиотек (например, Государственной публичной исторической библиотеки России).

² US Digital National Security Archive. Kissinger Transcripts, 1968–1977 (далее – DNSA). US Dept. of State, Memorandum of Conversation, March 15, 1976. (Secret, NoDis). P. 1.

действенным каналом влияния на ливанцев остается «Сирия или через Сирию»³. Якобы сирийцы могли бы воспрепятствовать продвижению отрядов Хатыба с юга по направлению к президентскому дворцу в Баабде.

Приведенные высказывания взяты из стенограммы заседания 15 марта 1976 г. Там же госсекретарь Киссинджер передал собравшимся сведения от Симхи Диница, посла Израиля в США (1973–1979), что сирийцы уже входят в Ливан. На это замечание ему возразил директор Службы по разведке и аналитике (Intelligence and Research, INR) Хэрролд Сондерс: «У нас нет подтверждения тому. Сведения о том, что сирийские армейские части под видом формирований Армии освобождения Палестины вошли в Ливан, имеют два источника: нелегальную радиостанцию фалангистов и [агентство] Рейтер. Последние могли почерпнуть такие сведения от “несогласных” (“rejectionists”; вероятно, речь идет о ФО. – А.С.), и, безусловно, в их интересах запустить эту версию. Но у нас нет подтверждения»⁴. Далее он добавил: «Мы не можем обещать сирийцам, что израильтяне не перейдут к действиям, если сирийские вооруженные силы вступят [в Ливан]»⁵.

На том же заседании состоялся интереснейший обмен мнениями госсекретаря и его помощника Атертона, где предположение последнего было встречено решительной прагматикой госсекретаря: «А.: Может быть, израильтяне могли бы смириться с ограниченной активностью [сирийцев]. Тун имел долгий разговор с Алоном⁶ в минувшем октябре об этом, и Алон назвал обстоятельства, при которых... – К: Алон глупец. Милый глупец, но все равно глупец. Нет, боюсь, нам не удастся надавить до такой степени, чтобы остановить Израиль⁷. – А.: Рискованно пускать события на самотек. – К: Почему бы не дать идти событиям своим чередом? – А.: Могут произойти столкновения между вооруженными силами, поддерживающими президента в его дворце, и силами Хатыба вместе с другими. Это может свалить Франжье. ... – К: Ввод сирийских войск может сдвинуть баланс в ущерб христианам. – А.: Верно. И христиане [в этом случае] теряют что-то из того, что им удалось при сирийском посредничестве. – К.: Вернемся к Асаду. Скажите Мерфи⁸ связаться с ним. Спросите его, что он там затевает. Если мы будем с этим согласны, то сделаем все, чтобы помочь ему. Но предостерегите, чтобы его действия не включали участие сирийских регулярных частей. [Только] в этом случае мы гарантируем, что израильтяне не вмешаются. Пусть он скажет нам, какие последствия он ожидает от своих действий и какие результаты он желает получить. Передайте ему, что я настроен оптимистично в отношении гарантий сдерживания Израиля в случае, если внешние силы не войдут в Ливан, – [передайте] не в таких словах, но в таком духе»⁹.

Следующее обсуждение ливанской проблемы в кабинете американского госсекретаря было в присутствии израильского посла Диница и его советника Ханана Бар-Она 24 марта. Стенограмма интересна тем, что в ней отражены позиции не только Израиля (однозначно отрицательная) по вопросу ввода сирийского контингента в Ливан, но и позиции иорданцев, саудитов, египтян. Киссинджер передавал мнение руководства Иордании, что оно не считало вмешательство сирийцев неотвратимым, но не видело иного выхода из сложившейся ситуации. Ведь сирийцы, по их мнению, боролись с ООП, с «несогласными» в Ливане и

³ DNSA. US Dept. of State, Memorandum of Conversation, March 15, 1976. P. 2.

⁴ DNSA. US Dept. of State, Memorandum of Conversation, March 15, 1976. P. 2.

⁵ DNSA. US Dept. of State, Memorandum of Conversation, March 15, 1976. P. 3.

⁶ Видимо, Игаль (Пайкович) Алон (1918–1980), генерал-майор; в 1974–1977 гг. был министром иностранных дел и вице-премьером Израиля.

⁷ Уже через 2,5 месяца это вполне удалось: израильтяне не вмешались непосредственно после ввода сирийского контингента в Ливан.

⁸ Видимо, Ричард Уильям Мерфи, американский посол в Сирии в 1974–1978 гг.

⁹ DNSA. US Dept. of State, Memorandum of Conversation, March 15, 1976. P. 2–3.

коммунистами, а также защищали христиан. По словам Киссинджера, саудиты, в свою очередь, полагали, что сирийцы вели себя слишком сдержанно и что они обладают «исключительными позициями», которыми следует воспользоваться. Египтяне же, напротив, возражали против ввода войск в Ливан сирийцев, обвиняя США в сговоре с ними, или против ввода войск кого-либо еще, в том числе израильтян¹⁰.

Что касается советской дипломатии, то британский глава МИДа Джим Каллагэн¹¹ сообщал, что его советский коллега Андрей Андреевич Громыко¹² заявил ему, что ничего не знал о планах сирийцев, но обещал войти с ними в контакт по этому вопросу, попросив британцев войти, в свою очередь, в контакт с израильтянами. Представляет интерес замечание Киссинджера, что «если советские вступили в сговор с сирийцами, то это (вероятно, под «этим» имелся в виду ввод сирийских войск в Ливан. – А.С.) не причинит никакого ущерба»¹³. Можно предположить, что это мнение было продиктовано расчетом на предсказуемость балансирования интересов на Ближнем Востоке в биполярном мире той эпохи, на разумное сдерживание обоими ведущими блоками дружественных им сил в регионе.

Сочувствовавшая палестинцам та часть ливанской армии, где большинство составляли сунниты социалистической ориентации (насеристы и др.), вызывала опасение и у противников левых идей в глобальном масштабе. Американцы, в частности, были заинтересованы в поддержке консервативно настроенных христианских кругов в Ливане, но открыто делать этого не могли. Как свидетельствует запись разговора госсекретаря Г. Киссинджера с послом С. Диницем от 3 апреля 1976 г., надежным партнером американцев из ливанских христиан оставались только силы Камиля Шамуна (видимо, ополчения его Национально-либеральной партии), тогда как «у других христиан – иные взгляды»¹⁴. Однако возникло неожиданное тактическое совпадение интересов: в поражении НПС оказались заинтересованы – совершенно по разным причинам – (а) ливанские консерваторы-христиане, (б) сирийцы, оспаривавшие сложившуюся тогда палестинскую повестку, (в) американцы, которые видели в насеристах, коммунистах и прогрессистах (ПСП), а также палестинцах своего рода ближневосточное крыло противостоящего им идеологического блока в «холодной войне», и (г) израильтяне, естественным образом заинтересованные в ослаблении палестинских сил в Ливане.

В том же документе содержался намек, что ввод сирийских войск в Ливан может стать вынужденным, но желанным обстоятельством как для американской стратегии, так и даже для израильтян. При этом от прямой поддержки ливанских христиан оружием или военной помощью решено было громогласно отказаться: был даже совершен маневр с отправкой к берегам Ливана нескольких военных кораблей с тем расчетом, чтобы вернуть их, когда русские их засекут и направят американцам ноту протеста. Так и было сделано: 7 военных кораблей США двинулись к берегам Ливана, и наш советник-посланник Ю.М. Воронцов¹⁵ передал Г. Киссинджеру ноту протеста¹⁶. Это позволило – в полном соответствии с замыслами американцев – отвести от США подозрение в военной помощи противникам НПС в

¹⁰ Интересно тут попутное замечание Г. Киссинджера, отражавшее острую региональную конкуренцию Египта и Сирии: «Единственной целью египтян [в этом эпизоде] является полное унижение Асада».

¹¹ Леонард Джеймс Каллагэн (1912–2005), британский министр иностранных дел (март 1974 – апрель 1976 г.), затем премьер-министр (до 1979 г.).

¹² Андрей Андреевич Громыко (1909–1989), д.э.н., в 1957–1985 гг. министр иностранных дел СССР.

¹³ DNSA. Dept. of State, Memorandum of Conversation, March 24, 1976 (Secret, NoDis, XGDS).

¹⁴ DNSA. Tele[phone] Con[versation Transcript], The Secretary [Kissinger] – Amb[assador] Dinitz, April 3, 1976, 3:10 p.m. P. 1.

¹⁵ Воронцов Юлий Михайлович (1929–2007), в 1970–1977 гг. – советник-посланник посольства СССР в США, посол в 1994–1998 гг.

¹⁶ DNSA. Tele[phone] Con[versation Transcript], Minister Vorontsov – Secretary Kissinger, April 2, 1976, 7:37 p.m. P. 2.

Ливане, в то время как ответственность за борьбу с НПС внешних сил (“outside forces” в цитированном документе) сама собой ложилась исключительно на готовящихся войти в Ливан сирийцев.

Дело было разыграно изящно, и в двойственном положении оказывался СССР, вынужденно принявший на себя недовольство обеих сторон конфликта. Выходило так, что Советский Союз, поддержал обе из них (по циничной ближневосточной поговорке, как бы пожелал удачи обоим дерущимся), тогда как Соединенные Штаты будто бы не поддерживали никого. Американская дипломатическая комбинация, в которую, судя по всему, были втянуты и сирийцы, привела к тому, что советское руководство было принуждено поступить «плохо», выбирая между «плохо и очень плохо» [Гриневский, 2000, с. 83].

Нужно упомянуть еще один эпизод, предшествовавший вводу в Ливан сирийских вооруженных сил. Еще в самом начале апреля лидер ливанских прогрессистов Камаль Джумблат лоббировал вовлечение в ливанский конфликт Египта и «энергично поддержал», как писал И. Тимофеев, инициативу Совета национальной безопасности Египта о размещении в Ливане арабских контингентов. Сирия в ответ предприняла демонстративный шаг: 8 апреля к сирийско-ливанской границе были стянуты войска, а на следующий день на несколько километров вглубь Ливана выдвинулись 40 сирийских танков. Ливанские прогрессисты тут же обратились в ЛАГ с просьбой принять меры против «оккупации Ливана сирийскими войсками» [Тимофеев, 2003, с. 391].

Все это вызвало определенную реакцию в мире, и особенно со стороны Франции – стремление продвинуть собственную инициативу урегулирования, вплоть до международного военного вмешательства [Pakradouni, 1984, p. 10]. На внутриливанском поле это подтолкнуло к проведению 8 мая легитимной сессии по избранию президента страны, коим был выбран Ильяс Саркис (однако он вступил в должность только 22 сентября того же года). На исходе мая стало ясно, что левые в Ливане считали свои позиции ослабленными и не собирались останавливаться на этой точке. Сирийский президент принял трудное решение вмешаться всерьез [Pakradouni, 1984, p. 13].

Ввод сирийского контингента в Ливан на несколько часов предварил начало визита в Дамаск (1–4 июня 1976 г.) главы Советского правительства Алексея Николаевича Косыгина, которого, скорее всего, поставили перед уже свершившимся фактом. Тем не менее официальная реакция Москвы была в том духе, что сирийцы действуют с ведома и одобрения советского руководства. Об этом говорит скупое, лаконичное выражение совместной с Сирией приверженности «восстановлению безопасности и мира в Ливане, обеспечению его целостности, независимости и суверенитета», которое прозвучало в совместном коммюнике по результатам визита [Внешняя..., 1977, с. 58].

Теперь трудно судить, имело ли место раздражение советского руководства излишне самостоятельными действиями Сирии или же план ввода войск действительно был согласован между Дамаском и Москвой. Скорее, можно согласиться с тем, что советское руководство предпочло прагматику – сделать вид, что все сделано с ведома Москвы, принять позицию Дамаска в надежде, что действия сирийцев действительно снизят конфронтацию в Ливане, ослаблявшую страну ввиду угрозы израильского вторжения.

Вполне объяснимо, что советский МИД пытался пригласить недовольство властей. Тогдашний заместитель заведующего Отделом Ближнего Востока МИД СССР О.А. Гриневский в красках описывал раздражение А.Н. Косыгина, когда о сирийском вводе войск в Ливан ему сообщил во время осмотра Голанских высот наш посол в Дамаске Нурутдин Мухитдинов, для которого это известие тоже стало сюрпризом [Гриневский, 2000, с. 83–84].

Приходится учитывать и некоторое различие в подходах к внешней политике МИДа и Международного отдела ЦК КПСС. Это различие подтверждает востоковед К.М. Труевцев,

участвовавший во встречах с ближневосточными делегациями главы МО ЦК Б.Н. Пономарёва. Нельзя исключать, что и весной–летом 1976 г. имела место особая установка со стороны МО ЦК КПСС на поддержку действий Х. Асада¹⁷.

В то же время многие документальные свидетельства позволяют заключить, что Х. Асад действовал, прислушиваясь к мнению американцев. Кроме того, он выступил против той стороны в Ливане, которая пользовалась официальной поддержкой СССР. Оба этих момента ставили советскую дипломатию в Ливане в неудобное положение, что и отразилось в заявлении ТАСС по Ливану, несколько противоречившем приведенному советско-сирийскому коммюнике: «В последние дни развитие событий в Ливане приобретает трагический характер. ...Советский Союз уже выступал с предупреждениями о том, что обстановка, в Ливане, в целом на Ближнем Востоке может еще больше осложниться, если не будет положен конец попыткам иностранного вмешательства в дела Ливана. Со стороны Сирийской Арабской Республики неоднократно делались заявления о том, что миссия введенных ею в Ливан войск состоит в том, чтобы оказать помощь в прекращении кровопролития. Тем не менее обращает на себя внимание, что и сегодня в Ливане льется кровь и льется еще более широким потоком» [Внешняя..., 1977, с. 63].

Главная опасность была в том, что с вводом сирийского контингента могли не смириться израильтяне, которые, кстати, неоднократно предупреждали об этом на протяжении нескольких предшествующих месяцев. Израильская интервенция могла бы привести к гораздо большему кровопролитию, как это и случилось спустя почти два года, в марте 1978 г.

Насколько можно судить, ливанский кризис в глазах американской дипломатии был увязан на арабо-израильское урегулирование. Так, госсекретарь Киссинджер в разговоре с ведущим колумнистом *New York Times* Дж. Рестоном в начале июня 1976 г. так выразился о ближневосточной проблеме: «Р: В ходе нашего последнего разговора Вы упомянули о возможности компромисса на Ближнем Востоке. Вы предполагаете его для обеих сторон? – К: Да. – Р.: И как далеко он продвинулся? – К: Не сдвинулся. У нее глубокий подтекст, ведь внимание арабов поглощено Ливаном. – Р: А что там нового? – К: Можно выторговывать немного менее, чем полный мир, за менее, чем полный возврат территорий, – но только на всех трех фронтах одновременно»¹⁸.

Впечатление некоторого оптимизма американцев было связано, по-видимому, с тактическим, временным совпадением позиций с сирийцами, которые вошли в Ливан, по сути, для поддержки действий прозападного блока. По крайней мере, в начале июля 1976 г. еще продолжались активные контакты «христиан» с сирийцами, а американцев – с теми и другими, о чем свидетельствуют рассекреченные документы¹⁹.

Возвращаясь к моменту ввода сирийских войск в Ливан 1 июня 1976 г. и непосредственному поводу к нему, имеет смысл привести уникальное свидетельство франко-ливанского ученого Рене Шамюсси²⁰: «29 мая [1976 г.] Арабская армия Ливана под командованием просирийски настроенного Ахмада Маамари напала на две христианские деревни Кобеате и Андекет в Аккаре; это была провокация, которая могла вызвать сирийскую интервенцию. Это и была его цель, чтобы Хафез эль-Асад “взвалил на себя ответственность”. 31 мая

¹⁷ Из беседы автора с К.М. Труевцевым, 19.07.2020.

¹⁸ Например: DNSA. Tele[phone] Con[versation Transcript], Mr. James Reston – Secretary Kissinger, June 4, 1976, 3:07. P. 1.

¹⁹ Об этом свидетельствует запись разговора Г. Киссинджера с заместителем его помощника по Ближнему Востоку Артуром Дэйем 1 июля. См.: [DNSA. Tele[phone] Con[versation Transcript], Mr. Day – Secretary Kissinger, July 1, 1976, 10:43, p. 1].

²⁰ Этот преданный деятель Иезуитского ордена родился во французском Лионе в 1936 г., но уже в 1969 г. переселился в Ливан, где и прожил до конца жизни, посвятив себя преподаванию и написанию книг о ливанских событиях и о ливанском обществе.

сирийские войска вошли в Аккар. На следующий день тысячи солдат и сотни бронированных машин пронеслись над Бекаа. Христианские деревни Кобеят и Андекет в Аккаре и [город] Захле в Бекаа были освобождены от окружения; палестинцы и прогрессисты, будучи дезориентированными, отступали или сдавались. Вечером 1 июня сирийские войска прекратили наступление» [Chamussy, 1978, p. 159, 250].

Обращает на себя внимание, если не слабая осведомленность американцев, то, по крайней мере, отсутствие того алармизма, который сопровождал впоследствии упоминание этого события в прессе и научной аналитике. Об этом можно судить по доступной стенограмме заседания обсуждения ливанского вопроса утром²¹ того же дня у госсекретаря США Г. Киссинджера, где ему докладывал Атертон²² и подтверждал сведения Х. Сондерс.

«А.: По Ливану: вслед за мятежом – то, что происходит там сейчас – дело серьезное. – К.: Правда, что туда входят еще сирийцы? – А.: Похоже, что так. Полагаю, разведка вполне уверена в этом. – К.: Как много? А.: Около 2 тысяч, но они входят в северо-восточную часть страны. В 2.5 милях от границы они (скорее всего, ошибка стенографиста, и нужно читать не “they are”, а “there are”. – А. С.) новые (возможно, снова ошибка стенографиста, и нужно читать не “new”, а “two”. – А. С.) христианские деревни атакованы, были разрушены бомбежкой. Джумблат и ООП, как и христиане, осудили это нападение на деревни. Сирийцы заявили, что это их ответ, с целью предотвратить полное уничтожение двух христианских деревень. Нигде больше нет признаков, что сирийцы продвигаются по территории страны. Хотя поговаривают, что это может быть способом, который они держат в уме для более масштабного вторжения в других местах. Израильский министр обороны сообщил на пресс-конференции, что они не собираются как-то реагировать, пока эти действия идут в рамках ливанской гражданской войны. Но это их не радует. – К.: Тогда ладно, у нас нет оснований что-то предпринимать. – А.: У нас нет оснований что-то предпринимать. – С.: Если посмотреть на карту, эти действия не могут получить развития. Это все как раз в районе выступа [границы] в северо-восточном углу. – К.: Но если сирийское вторжение продолжится, у них [сирийцев?] могут быть проблемы. – А.: Я не вижу каких-либо признаков того, что они изменят своим намерениям вторгнуться в более чувствительных частях страны. Думаю, нам нужно более внимательно присмотреться к тому, что сейчас будет. – К.: Ведь Саркис собирается пригласить их, так? – А.: Вообще, сейчас он придерживается того, что, если перемирие установится, если политический диалог начнет давать результаты, они могут столкнуться с положением, когда окажутся оккупированными. Эта возможность, эта угроза останавливает их. [Так что] я вовсе не уверен. Как по мне, он прав по поводу призыва сирийцев. Он также признает, что его наибольшая проблема – свести вместе Джумблата и Катаиб. Конечно, максимальные усилия он прилагает для политического урегулирования. Не думаю, что пока он пришел к этому решению. Кроме того, перед нами типичная проблема отказа некоторых элементов – как среди христиан, так и мусульман – поддерживать огонь в печи. Есть раскол между Шамуном, с одной стороны... – К.: Думаю, Франжье виноват в этом не больше, чем любой другой. – А.: Думаю, что так. Шамун – кандидат. Полагаю, что и Саркис продолжает свои попытки. – К.: Франжье уже обозначил, когда он уходит? – А.: Нет. И я не вижу, что бы мы нам следовало предпринять по этому делу, говоря откровенно. Думаю, нам нужно наблюдать. Пусть Мелой продолжает продвигать диалог. Еще одно: как раз сегодня Косыгин едет в Дамаск. Вернется сразу»²³.

²¹ Ввод сирийских войск прошел в ночь на 1 июня, а заседание началось в 8.30 (по нью-йоркскому времени), т.е. спустя много часов. Присутствовали 17 чел. Ливанские события обсуждались в числе последних. Нельзя исключать, что ввод контингента стал для американцев гораздо менее ожидаемым, чем для советского руководства.

²² Алфред Л. Атертон-младший (1921–2002), в 1974–1978 гг. – помощник госсекретаря США по делам Ближнего Востока и Южной Азии.

²³ DNSA. US Dept. of State. Secretary's Staff Meeting. Minutes. June 1, 1976. (Secret) P. 37–41. Тут заметна невысокая осведомленность американцев: А.Н. Косыгин к тому моменту уже много часов находился в Сирии и планировал пробыть там несколько дней.

Что означала характеристика госсекретарем реакции израильтян, до какой степени «это их не радовало»? Полезно обратиться к мнению тогдашнего министра обороны Израиля Шимона Переса, о котором из Тель-Авива сообщали в Вашингтон (а также в посольства в Аммане, Бейруте, Дамаске и Каире). Израильский министр высказывал его в беседе с послом США Малколмом Туном 6 июля 1976 г., рассуждая, что если бы сирийский президент собирался воссоздавать «Великую Сирию», то логично было бы ему вмешаться в ливанские события на стороне мусульман. Его вмешательство на стороне христиан приводило Переса к более вероятному выводу, что «Асад был чрезвычайно жестко зажат между враждебно настроенной иракской партией Баас и враждебно настроенным Джумблатом и силами ООП в Ливане»²⁴.

Имеет смысл привести также мнение весьма критично настроенного к правлению Х. Асада историка Н. Ван Дама – емкую характеристику обстоятельств ввода сирийских войск в Ливан: «Асад вмешался во внутриливанскую борьбу в надежде достичь ситуации, когда для мирного урегулирования между противостоящими группами смогут быть использованы конституционные и законные меры. Эта попытка, однако, провалилась: борьба разгорелась так, как никто не мог предвидеть, и сирийцы увязли в жестоком вооруженном противостоянии с палестинскими боевиками и ополчениями ливанских левых – традиционных союзников сирийского баасистского режима. Этот аспект особенно разрушительно повлиял на позиции Асада в самой Сирии» [Van Dam, 1997, p. 72].

Кстати, как сообщалось в приведенном выше донесении в американский Госдеп, израильтянам было известно, что в первые дни ввода сирийских войск в июне «имели место столкновения между сирийскими и иракскими военными в районе ливанского Триполи, что привело к отходу сирийцев из окрестностей Триполи»²⁵. Информация об участии неких иракских военных в Ливане оказалась для американцев новой. Можно предположить, что это были какие-то отряды ополчений сторонников иракских баасистов в Ливане.

Президент Асад, по мнению Ш. Переса, отвел свои силы в Бекаа, чтобы консолидировать их и наблюдать за развитием событий: «Похоже, что он пересматривает свои политические цели по мере изменения военной ситуации»²⁶, как передавали американцы слова Переса. Реагируя на некие «недавние намеки сирийцев о возможности предстоящих сирийско-израильских переговоров» (очевидно, в первую очередь по вопросу Голанских высот), израильский министр обороны полагал, что его стране стоит отнестись к ним серьезно и вообще в этом отношении был «настроен оптимистично»²⁷.

Но уже в конце июля израильтяне выражали беспокойство по поводу просочившейся якобы информации о контактах между сирийцами в Ливане и ООП. Возможность возобновления в недалеком будущем этого альянса в новом качестве могла бы всерьез угрожать Израилю – как с военной, так и с точки зрения безопасности водных ресурсов, поступающих в озеро Кинерет и реку Иордан с оккупированных сирийских Голанских высот и южных отрогов Ливанского хребта. Это дало бы повод для вторжения и оккупации Израилем стратегически важных районов Ливана – под предлогом собственной экономической безопасности. Израильтяне явно рассчитывали на успех в стране с разделенным на лагеря населением и, главное, армией. Им оставалось только разрушить труднообъяснимый и шаткий антипалестинский альянс ливанцев с сирийцами (на деле, конечно, только против ФО), который поддерживали американцы.

²⁴ DNSA. Message from American Embassy in Tel Aviv. July 4, 1976. (Secret). P. 1.

²⁵ DNSA. Message from American Embassy in Tel Aviv. July 4, 1976. P. 3. (О серьезном обострении между сирийскими и иракскими баасистами в 1976 г. сообщает также Н. Ван Дам [Van Dam, 1997, p. 72]).

²⁶ DNSA. Message from American Embassy in Tel Aviv. July 4, 1976. P. 2.

²⁷ DNSA. Message from American Embassy in Tel Aviv. July 4, 1976. P. 3.

По ходу очевидного закрепления сирийских военных в Ливане некоторые арабские страны стали громко выражать свое недовольство такой «разбалансировкой» – чрезмерным усилением регионального военного влияния Сирии. Решением межарабской конференции по Ливану в Эр-Рияде в октябре 1976 г. были созданы Межарабские силы сдерживания (МСС), утвержденные на экстренном саммите ЛАГ в Каире 25–26 октября 1976 г. Основную часть МСС составили сирийские войска (до 85% численности), вошли также воинские контингенты из Эмиратов, Саудовской Аравии, Судана, Ливии и НДРЙ.

Эти силы были призваны сдерживать внутриливанское противостояние, но также и угрозу вторжения Израиля, всерьез обеспокоенного положением в соседней стране. А беспокойство вызывали уже не столько палестинские боевики на ливанских территориях, сколько сирийский контингент. Вполне вероятно, что усиление религиозного фактора противостояния в Ливане стало первейшей задачей израильтян: расколоть прежний тактический альянс христиан и сирийцев, внести в недовольство сирийским присутствием в Ливане сильнейшую составляющую – религиозную. Дальнейшие события показали, что эта составляющая планомерно и постепенно подменяла, приходила на смену будто бы утратившей региональную актуальность задаче борьбы с левыми движениями. Израильтяне удачно для себя и для этой губительной для ливанцев цели разыграли карту «маронитского коллаборационизма»: дискредитировали боеспособные отряды ливанских «правых», сделав абсолютно невозможным дальнейшие контакты сирийцев с ними как сотрудничающими с сионистами.

Первоначально связанная с «Армией свободного Ливана» (*Джайш Лубнан аль-хурр*)²⁸ так называемая Армия Южного Ливана (АОЮЛ)²⁹ представляла собой бывшие армейские подразделения, направленные некогда для защиты христиан юга страны. Возглавлявший ее, бывший командир батальона в Марджайуне, греко-католик, майор Саад Хаддад, вошел в историю как трагический пример манипулирования извне информацией масс-медиа и внешней игры на внутриливанских противоречиях. Именно ливанские христиане-униаты составляли большинство личного состава АОЮЛ, хотя были также шииты и друзья [Abi Ramia, 2019], и только в 1990-е гг. в формированиях АОЮЛ служило большинство местного шиитского населения (до 60%) [Matthews, 2000]. В результате марониты, чьи партийно-клановые ополчения были наиболее боеспособными, оказались под огнем арабской критики как коллаборационисты.

Вскоре на фоне тревожной для многих в регионе интеграции ливанских «правых» последовала жестокая акция, направленная на дробление маронитского лагеря: ихдинская трагедия (*маджзарат Ихдин*) 13 июня 1978 г. сделала непримиримыми врагами умеренно просирийский клан Франжье и военный альянс маронитов «Ливанские силы».

Тем временем палестинский фактор оставался не просто весомым, но даже ключевым вплоть до 1978 г.: палестинский ФО в Ливане продолжал действовать вопреки даже достигнутым договоренностям между сторонами. «Тайная игра, тайное соглашение имеется между ООП и сторонами урегулирования, а точнее – сирийским, ливанским и американским правительствами. ... Мы отказываемся от прекращения огня, от соглашений в Шторе, особенно, когда они просят нас покинуть юг и порты», – заявлял на ломаном английском представитель ФО в видеообращении от октября 1977 г.³⁰

²⁸ Ср. с проектом «Свободная сирийская армия» (*Аль-джайш ас-сури аль-хурр*) уже в нынешнем сирийском кризисе.

²⁹ Получила это название только в 1980 г., до того – «Армия обороны Южного Ливана», (АОЮЛ).

³⁰ Lebanon: Rejectionist Front Warns That It Will Continue Its Fight Against Israel Despite Recent Ceasefire. Video, 00:02:13. *British Pathé*, 1977. <https://www.britishpathe.com/video/vlva8g4l9ponfx7yote3soxiy4z2-lebanon-rejectionist-front-warns-that-it-will-continue-its-fight>.

Этап «чужой войны» [Хлебникова, 2016, с. 172], или, условно говоря, «палестинский» этап, в ливанском конфликте завершился переводом главной линии противостояния к определенным полюсам: правохристианский «Ливанский фронт» (ЛФ) против НПС – ООП и сирийцев. В начале февраля 1978 г. в Бейруте прогремели несколько взрывов, послуживших провокацией обострения обстановки. 7 февраля в восточно-бейрутском пригороде Ярзе имел место конфликт между сирийскими военными и ливанскими ополченцами из ЛФ, который стал началом долговременного их противостояния.

Израильское вторжение во второй половине марта 1978 г. (так называемая Операция Литани) по-своему закрепило изменение диспозиции главных сил в ливанском противостоянии. Сирия окончательно заняла позицию полной поддержки ООП в Ливане – особенно в свете общеарабской линии на противодействие сионистскому агрессору. Ливанские «правохристианские» силы, в свою очередь, выступили с консолидированной позицией (за исключением клана Франжье, его партии «Марада» и его ополчения «Армия освобождения Згорты») – противодействия сирийскому присутствию. В итоге этап «чужой войны» в Ливане завершился парадоксальным образом – военным вторжением Израиля, войной настоящей.

После этой краткосрочной, но жестокой войны против Ливана, Совбезом ООН 19 марта 1978 г. были приняты резолюции 425 и 426, которыми предполагалось создание Временных сил ООН в Ливане (UNIFIL). Они стали очередным международным военным контингентом в этой стране.

Начав в 1976 г., Сирия продолжала демонстрировать свои возможности в роли арбитра в столкновении двух условных лагерей в Ливане, при этом доказывая свою «непредвзятость» довольно жестко. Когда сирийскими военными в октябре 1978 г. были обстреляны позиции маронитов в Восточном Бейруте, то, по мнению весьма критически настроенного автора секретной записки об оперативных данных из Дамаска, эта операция преследовала две цели: «а) привлечь внимание международного сообщества к тому факту, что Сирия остается политическим фактором, с которым приходится считаться на Ближнем Востоке после Кэмп-Дэвида, и эта цель была достигнута; б) откуда бы ни исходило желание ослабить роль Сирии в Ливане, сирийцы не верят, что кто-либо из арабских лидеров смог бы повысить политическую роль или военное присутствие своей страны в Ливане без одобрения Асада»³¹.

Речь шла, в частности, об эмиратской составляющей МСС: подразделения Эмиратов, дислоцированные в Западном Бекаа, готовились к переводу в Бейрут, и сирийцы якобы ожидали, что это будет обсуждаться с ними. Дело в том, что к тому моменту марониты, вступившие в конфронтацию с сирийским контингентом, рассматривали военные силы Эмиратов в составе МСС в качестве щита от жестких действий сирийских военных. В тех условиях, как говорилось в записке, «потребность в силах ОАЭ оказалась значительно выше в Восточном Бейруте»³².

Но это был уже другой этап затяжного ливанского противостояния – этап собственно гражданской войны с налагавшимся как бы поверх спором внешних акторов. Между собой конфликтовали разные маронитские лагеря (как раз к этому времени относится и печально известная «ихдинская резня» – хладнокровное убийство членов семьи Франжье). Продолжали сталкиваться на поле боя оппоненты из лагерей прогрессистов и социалистов, с одной стороны, и консервативного Национального фронта, с другой.

Иностранное присутствие в Ливане только увеличивалось: палестинские боевики продолжали непримиримую войну с ЛФ, в рамках своего «Фронта отказа» отвергая проекты политического урегулирования; МСС оставались в Ливане до апреля 1979 г., причем си-

³¹ DNSA. Message from American Embassy in Damascus, 21.10.1978 (Confidential). P. 2.

³² DNSA. Message from American Embassy in Damascus. October 21, 1978. P. 2.

рийское «ядро» этого международного контингента выделялось своей особой позицией, и опора ливанского населения на участников МСС из разных арабских стран была далеко не однородной; израильский фактор влияния на военно-тактическую ситуацию в Ливане продолжал оставаться сильным как до, так и после интервенции в марте 1978 г.; в том же месяце в Ливане появился международный контингент UNIFIL, кстати, остающийся там до сих пор.

Тем самым сирийское военное присутствие в Ливане трудно рассматривать как факт уникальный в своем роде. По крайней мере, в первый период войны его никак нельзя рассматривать как «оккупацию» Ливана или в качестве явления, исключительно негативно повлиявшего на ход ливанской гражданской войны. Тем более, он не может рассматриваться как проявление якобы присущего сирийцам экспансионизма, о котором иногда заговаривают некоторые зарубежные и, увы, отечественные авторы³³. Не любовь к историческим мифам и не проекты «возрождения» никогда не существовавших стран («Великой Сирии»), а политическая прагматика служила сирийскому президенту и его окружению руководством к действию на ливанском направлении. Оно имело стратегическое значение не только само по себе, но и в региональной конкуренции, например, с Египтом и Ираком, а кроме того, имело выходы на повестку глобальной политико-идеологической диспозиции в период «холодной войны».

СПИСОК МАТЕРИАЛОВ АРХИВА

- US Digital National Security Archive. Kissinger Transcripts, 1968–1977* (DNSA).
DNSA. Dept. of State, Memorandum of Conversation, March 24, 1976. (Secret, NoDis, XGDS).
DNSA. Message from American Embassy in Damascus. October 21, 1978 (Confidential).
DNSA. Message from American Embassy in Tel Aviv. July 4, 1976. (Secret).
DNSA. Tele[phone] Con[versation Transcript], Minister Vorontsov – Secretary Kissinger, April 2, 1976, 7:37 p.m.
DNSA. Tele[phone] Con[versation Transcript], Mr. Day – Secretary Kissinger, July 1, 1976, 10:43.
DNSA. Tele[phone] Con[versation Transcript], Mr. James Reston – Secretary Kissinger, June 4, 1976, 3:07.
DNSA. Tele[phone] Con[versation Transcript], The Secretary [Kissinger] – Ambassador Dinitz, April 3, 1976, 3:10 p.m.
DNSA. US Dept. of State, Memorandum of Conversation, March 15, 1976 (Secret, NoDis).
DNSA. US Dept. of State. Secretary's Staff Meeting. Minutes. June 1, 1976 (Secret).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Внешняя политика Советского Союза и международные отношения: Сборник документов. 1976 год.* М.: Международные отношения, 1977 [*Foreign Policy of the Soviet Union and International Relations: A Collection of Documents. 1976.* Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1977 (in Russian)].
Гриневский О. *Тайны советской дипломатии.* М.: Вагриус, 2000 [Grinevsky O. *Soviet Diplomacy Secrets.* Moscow: Vagrius, 2000 (in Russian)].
Матвеев И.А. *Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке (1946–2003).* М.: ИИИиБВ, 2004 [Matveev I.A. *National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003).* Moscow: IIMES, 2004 (in Russian)].
Тимофеев И.В. *Камаль Джумблат.* М.: Прогресс, 2003 [Timofeev I.V. *Kamal Jumblat.* Moscow: Progress, 2003 (in Russian)].

³³ Об этом и о некой «доктрине Асада» – курсе сирийцев на безусловное лидерство якобы на всех территориях Леванта, в том числе суверенных Ливана, Иордании и Палестины см.: [Матвеев, 2004].

- Хлебникова Л.Р. Роль США и Израиля на начальном этапе «чужой войны» в Ливане (1975–1978). *Вестник Московского ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика*. 2016. № 4. С. 171–203 [Khlebnikova L.R. The United States and Israel at the Beginning of the ‘War of Others’ in Lebanon (1975–1978). *Moscow University Bulletin of World Politics*. 2016. No. 4. Pp. 171–203 (in Russian)].
- Abi Ramia J. Vie et mort de l’Armée du Liban-Sud. *L’Orient-Le Jour*, 19 septembre, 2019. P. 7.
- Chamussy R. *Chronique d’une guerre: Liban 1975–1977*. Paris: Desclée. 1978.
- Dawisha A.I. Syria in Lebanon: Assad’s Vietnam? *Foreign Policy*, 15 Dec. 1978. Pp. 135–150.
- Lebanon: Rejectionist Front Warns That It Will Continue Its Fight Against Israel Despite Recent Ceasefire. Video, 00:02:13. *British Pathé*, 1977. <https://www.britishpathe.com/video/vlva8g4l9ponfjx7yotc3soxiy4z2-lebanon-rejectionist-front-warns-that-it-will-continue-its-fight>
- Matthews M. Israeli Pullout Will Strand South Lebanon Army Allies. *The Baltimore Sun*. 7 March 2000. P. 2.
- Pakradouni K. *La Paix Manquée: Le Mandat d’Elias Sarkis (1976–1982)*. Beyrouth: FMA, 1984.
- Van Dam N. *The Struggle for Power in Syria: Politics and Society under Assad and the Ba’th Party*. London – New York: Tauris, 1997.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

САРАБЬЕВ Алексей Викторович –
кандидат исторических наук, ведущий
научный сотрудник Центра арабских
и исламских исследований, Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия.

Aleksei V. SARABIEV, PhD (History),
Leading Research Fellow of the Centre of Arabic
and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies
of RAS, Moscow, Russia.